

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-257-258

© Л. Д. Бугаева, © С. Д. Титаренко

ЛИТЕРАТУРА ДИАСПОРЫ КАК ФЕНОМЕН ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Сборник статей «Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)» посвящен не только давней дискуссионной проблеме «одна или две русских литературы»,¹ но и не менее спорному, но, безусловно, важному для исследования литературы эмиграции феномену транснациональной культуры. Диаспора рассматривается авторами как «инаковость» типа существования, который способствует формированию особых моделей идентичности. Вышедший под редакцией Марии Рубинс, сборник состоит из статей таких исследователей русской литературы, как Андреас Шёнле, Памела Дэвидсон, Марк Липовецкий, Кевин М. Ф. Платт, Дэвид Бетеа, Адриан Ваннер, Кэтрин Ходжсон, Галин Тиханов, и направлен на осмысление темы «диаспорального бытия». В нем выделяются три концептуально значимых раздела: «Диаспорическая идентичность и перформативные практики в транснациональных контекстах», «Эволюционные траектории: адаптация, „скрещивание“ и транскультурная полиглоссия» и «Воображаемые локусы единства и различия». Их предваряет вступительная статья М. Рубинс «Невыносимая легкость диаспорического бытия», название которой «объясняет» смыслы романа М. Кундеры («Невыносимая легкость бытия»), посвященного судьбам эмигрантов. Центральной проблемой в ней является амбивалентность локусов диаспоры как альтернативных форм национальной идентичности.

Проблема идентичности человека в ситуации изгнания рассматривается также в целом ряде статей. Размышляя об амбивалентности «перформанса изгнания» одного из первых русских эмигрантов — Н. И. Тургенева, автора книги «Россия и русские» (опубл. 1845), приговоренного к смертной казни после восстановления декабристов и оставшегося жить в Англии, А. Шёнле в статье «Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания» анализирует болезненный процесс «духовного отрыва» от родины и адаптации человека к новому «промежуточному» существованию. Автор считает, что человек изгнания не может в полной мере разрешить антиномию между травмой трагического разрыва

с родиной и обретенной им духовной свободой, ощущая свою «инаковость». Поэтому Тургенева нельзя в полной мере считать представителем постмодернистских моделей изгнания. Его пример демонстрирует личный опыт «либеральной автономии личности», так как он был склонен к размышлениям о своей политической и культурной миссии «наднационализма» и рассматривал мировую историю «как непрерывное сближение и уравнивание наций под влиянием прогресса цивилизации» (с. 70). Вместе с тем амбивалентность его опыта проявляет «болевые точки» диаспорального бытия, сказавшиеся не только в XIX веке, например в опыте А. И. Герцена, но и в XX столетии.

П. Дэвидсон, в свою очередь, в статье «Переосмысление русской литературной традиции пророчества в диаспоре (Бунин, Набоков и Вячеслав Иванов)» ставит проблему влияния транснационального контекста на мессианскую роль писателя. Она показывает, как проповедническая миссия русской литературы может меняться в условиях диаспоры, когда писатель, как, например, Набоков, иронически ее обыгрывает или — как Вяч. Иванов, для которого «дом» и «родина» были понятиями духовными, — «включает свой личный опыт и свое понимание недавних событий на родине в гораздо более широкий транснациональный — или даже наднациональный — контекст» (с. 123). Поэтому она считает, что «диаспоральные сообщества будут по-прежнему играть важнейшую роль, выступая в качестве посредников между национальным и транснациональным дискурсами, способствуя тем самым их взаимообогащению» (с. 141).

А. Ваннер в статье «Транслингвальная поэзия и границы диаспоры: самопереводы Марины Цветаевой, Владимира Набокова и Иосифа Бродского» обосновывает мысль, что представители русской эмиграции в своих переводах не изживали родной язык и культуру через ассимиляцию, а преобразовывали их в транскультурной полиглоссии, хотя, как поясняет автор, это не давало возможности, например, Цветаевой обрести свою духовную родину в Европе (с. 158). Интереснейший материал для осмысления представлен также в работе К. Ходжсон «Возвращение на родину литературы диаспоры: роль поэтической антологии в конструировании диаспорального канона», хотя здесь не упомянуты такие важные эмигрантские антологии, как «Литературный смотр. Свободный сборник», вышедший под редакцией З. Гиппиус и Д. Мережковского

* Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). Сб. статей / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 336 с.

¹ См.: Одна или две русских литературы?: Сб. статей. Lausanne, 1981.

(Париж, 1939), и «Panorama de la littérature russe contemporaine», изданная на французском языке В. Познером (1929).

Некоторые авторы, в первую очередь М. Липовецкий и Г. Тиханов, проблематизируют само понятие диаспоры. Так, М. Липовецкий в статье «Возможна ли диаспора в век интернета?» высказывает предположение, что выделяемые Р. Брубейкером черты диаспоры (пространственная трансгрессия государственных границ, ориентация на реальную или воображаемую родину, сохранение идентичности, отличной от места проживания) приложимы не только к диаспоре, но и к кругу российской либеральной интеллигенции — своего рода «внутренней эмиграции». Диаспорическое письмо в век интернета, как выясняется, возможно, но это особый тип текста, в котором находит выход самосознание, не сводимое к противопоставлению по признаку принадлежности к культурному контексту метрополии или отчужденности от него. Г. Тиханов уверен, что в современном интеллектуальном контексте понятия «диаспора», «изгнание» и т. п. устарели, так как связаны с архаичным понятием «нация» и с национализмом. К. Платт предлагает для обозначения тех авторов, которые живут за пределами России, но ориентированы на российского читателя и российскую культурную реальность, использовать термин «экстратерриториальные». В их число попадают не только П. Барскова или М. Шишкин, но и В. Сорокин, Б. Акунин, Д. Кузьмин и другие писатели, предпочитающие жить за границей, но при этом включенные в российскую литературную жизнь.

Очевидно, что понятие «диаспора» за столетие претерпело серьезные изменения. Д. Бетеа в главе, посвященной эволюционной биологии и «нарративу диаспоры», пытается схватить суть этих изменений с позиций литературного дарвинизма. Логика рассуждений о судьбах и творчестве генетика-эмигранта Ф. Добржанского и писателя-эмигранта В. Набокова приводит Д. Бетеа к выводу о том, что эстетическое не только присутствует в природе, но коэволюционирует в субъекте и объекте желания и что в ходе этой эволюции национальное сменяется транснациональным.

Рассматривая разные аспекты существования человека в условиях эмиграции, авторы сборника расценивают литературу диаспоры, как бы она ни называлась — диаспоральная, экстратерриториальная, эмигрантская и т. п., — как вызов сложившемуся в литературе метрополии канону, креативное пространство, в котором происходит пересоздание как коллективной, так и индивидуальной идентичности. Литература диаспоры совмещает несовместимое, создавая гетеротопию, в терминологии М. Фуко, это — воображаемое пространство, в котором соединяются национальное и глобальное. Понятие «диаспора», как считают авторы, не обладает устойчивостью и подвержено перекодировкам в такой сложной системе, какой является литература эмиграции. Это типологическая категория, указывающая на «смещение» не столько в географическом, сколько в культурном пространстве и возникающая при формировании новых каналов коммуникации, о чем пишет М. Рубинс в заключительной статье «Перспективы диаспоральных исследований».